

Религиоведение. 2023. № 1. С. 5–14.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 1. P. 5–14.

DOI: 10.22250/20728662_2023_1_5

Казакова К.С.

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН
184209, Россия, г. Апатиты, Академгородок, 40-А
k.kazakova@ksc.ru*

Взаимодействие Русской православной церкви и коренного населения северо-западных арктических территорий в деле народного просвещения в конце XIX – начале XX веков

Аннотация. На окраинных арктических территориях со второй половины XIX века Русская православная церковь начала активно создавать систему начального образования. Миссионерская деятельность определялась необходимостью отстаивания государственных интересов через влияние на этнокультурные процессы в среде коренного населения Кольского Севера. В этнографических сочинениях конца XIX – начале XX вв. неоднократно высказывалась мысль о том, что саамы, проживающие на территории Кольского полуострова, готовы развивать и поддерживать дело народного просвещения. На основе делопроизводственных документов Кольского уездного училищного отделения (фонд И-133) и первого Кольского благочиния Архангельской епархии (фонд И-17), которые хранятся в Государственном архиве Мурманской области, а также материалов Кемско-Кольского уездного училищного отделения, которые представлены в Национальном архиве Республики Карелия (фонд 419), реконструируются сюжеты взаимодействия Русской православной церкви и населения Кольского Севера в вопросе учреждения церковно-приходских школ. Выявлено, что миссионерская деятельность в саамских приходах, осуществляемая через церковно-приходские школы, способствовала вовлечению как учащихся, так и взрослого населения в приходскую жизнь. Основным фактором, препятствующим развитию начального образования на Кольском Севере, являлась необходимость для местного населения нести финансовые затраты на содержание школ. В случае прекращения взносов на содержание церковно-приходской школы жителями погоста епархия стремилась сохранить учебное заведение при приходе путём трансформации его в школу грамоты. Показано, что в колониях Мурманского берега развитие просветительской работы было возможно только при участии Трифоно-Печенгского монастыря.

Ключевые слова: Русская православная церковь, миссионерство, просвещение, церковно-приходские школы, Кольский Север, саамы, Трифоно-Печенгский монастырь

Ksenia S. Kazakova

*Barents Center of Humanities, Federal Research Centre “Kola Science Centre of RAS”
40-A, Academgorodok, Apatity, 184209, Russia
k.kazakova@ksc.ru*

Interaction of the Russian Orthodox Church and the Indigenous Population of the Northwestern Arctic Territories in the Matter of Public Education in the Late 19th – Early 20th Centuries

Abstract. The Russian Orthodox Church began to develop the system of primary education in the outlying Arctic territories in the second half of the 19th century. Missionary activity was determined by the need to promote state interests through the influence on ethnocultural processes among the indigenous population of the Kola North. In ethnographic writings of the late 19th – early 20th centuries the idea repeatedly emerged that the Sámi living on the Kola Peninsula are willing to develop and support the public education. Based on documents from record keeping system of the Kola district school department (fund I-133) and the first Kola deanery of the Arkhangelsk diocese (fund I-17), which are stored in the State Archive of the Murmansk region, as well as materials from the Kem-Kola district school department, which are presented in the National Archive of the Republic of Karelia (fund 419) reconstructs the synopses of interaction of the Russian Orthodox Church and the population of the Kola North in the matter of establishing parochial schools. It was revealed that missionary activity in the Sámi parishes, based on the work of parochial schools, contributed to the involvement of both students and adults in parish life. The main factor hindering the development of primary education in the Kola North was the obligation for the local population to bear the financial costs

of maintaining schools. If the inhabitants of the settlement ceased contributions to the maintenance of the parochial school, the diocese sought to preserve the educational institution of the parish by transforming it into a "school of literacy" (elementary school). It is shown that in the colonies of the Murmansk coast, the development of educational work was possible only due to involvement of the Trifono-Pechengsky monastery.

Key words: Russian Orthodox Church, missionary work, education, parochial school, Kola North, Sámi, Trifono-Pechengsky monastery

Введение

На северных окраинных территориях одной из форм миссионерской работы, на которые Русская православная церковь возлагала большие надежды, была система церковно-приходских школ. Развитие начального православного образования в последней трети XIX века было сопряжено с целью укрепления национального и религиозного единства страны.

Если в центральных губерниях, Сибири и даже соседней с Кольским уездом Олонецкой губернии церковно-приходские школы конкурировали с земскими, министерскими и ведомственными учебными заведениями, то в Кольском уезде Архангельской губернии школ Министерства народного просвещения до начала XX века не было за исключением одноклассного приходского училища в г. Кола. Развитие просветительской деятельности Русской православной церкви в Кольском уезде осложнялась тем, что часть населения составляли коренные жители, ведущие кочевой образ жизни (саамы)¹.

В последние десятилетия значительно вырос интерес к изучению истории социальной деятельности Русской православной церкви в регионах с полиэтническим составом населения [Софронов, 2007]. Особое внимание при рассмотрении миссионерской деятельности уделяется проблеме духовной школы и участию духовенства в системе народного образования [Кашаева, 2015]. Между тем, в работах о деятельности Русской православной церкви на Европейском Севере, на территории которого проживали русские, карелы, саамы, ненцы, коми-зыряне, коми-ижемцы и др. [Бардилова, 2015; Пулькин, 2006] практически не исследуется деятельность православных начальных школ в «инородческих» приходах Кольского Севера.

Цель настоящей статьи – проанализировать особенности миссионерской деятельности Русской православной церкви в конце XIX – начале XX вв., нацеленной на развитие сети церковно-приходских школ на территории первого Кольского благочиния Архангельской епархии, и реконструировать сюжеты взаимодействия коренного населения и приходов в вопросах социально-просветительской деятельности.

Источниковой базой исследования послужили делопроизводственные документы нескольких фондов Государственного архива Мурманской области (ГАМО) и Национального архива Республики Карелия (НА РК): материалы фонда первого Кольского благочиния Архангельской епархии (ГАМО Ф. И-17), Кольского уездного отделения Архангельского епархиального училищного совета (ГАМО Ф. И-133), документы Кемско-Кольского уездного училищного отделения (НА РК Ф. 419), архивные материалы по Ловозерской миссионерской церковно-приходской школе (ГАМО Ф. И-121), Трифоно-Печенгскому монастырю (ГАМО Ф. И-87). Для анализа привлечены также очерки о церковно-приходских школах, опубликованные в Архангельских епархиальных ведомостях, и этнографические сочинения, касающиеся быта коренного населения Кольского Севера.

Особенности организации церковно-приходских школ в саамских погостах

В конце XIX века северная часть Кольского полуострова, в которой проживало большинство коренного населения, находилась в ведении первого Кольского благочиния, к которому в 1891 году относились Кольский, Пазрепкий, Нотозерский, Ловозерский, Териберский и Печенгский приходы, а также Сонгельский и Кильдинский погосты [НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6]. Позже были образованы Александровский, Гавриловский, Иоканьгский, Китовский и Рындский приходы [Федоров, 2017, 28].

В 1880-х годах Архангельская епархия обратила внимание на необходимость миссионерской деятельности среди «инородцев» в отдалённых северных уездах. На съезде епархиального духовенства в январе 1887 года была высказана мысль о том, что «только посредством школы возможно возрождение и просвещение инородцев в духе православной церкви» [ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 83 об.]. Прежде чем приступить к открытию церковно-приходских школ, необходимо было узнать, «пользуются ли школы сочувствием со стороны лопарей» [ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 16]. В епархию в ответ на соответствующий запрос был направлен ответ благочинного Георгия Терентиева о том, что «церковно-приходских школ в лопарских приходах нет за неимением средств как у лопарей, так и у причтов, мало обеспеченных жалованием». Между тем сообщалось, что лопари осознают пользу в грамотности и «даже сочувствуют» [ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 17]. Незамедлительно от Архангельской духовной консистории поступило предписание всем священникам «лопарских» приходов озаботиться открытием церковно-приходских школ и школ грамотности [ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 319]. Формально инициатива учреждения церковно-приходской школы должна была исходить от крестьян прихода (погоста), которые взяли бы на себя финансовые обязательства по полному или частичному содержанию школы. Однако, как свидетельствуют архивные документы, в каждом погосте вопрос об открытии школы и обеспечении её работы решался исходя из местных условий.

Среди саамских погостов, в которых были учреждены церковно-приходские школы, были: Пазрецкий, Нотозерский, Ловозерский, а также Сонгельский и Кильдинский [НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 5-6]. Во многом успех миссионерской деятельности, как признавали все общественные деятели, писавшие о Пазрецкой школе, учреждённой в 1888 году, определялся огромным влиянием и авторитетом Константина Щеколдина, руководившего приходом с момента его учреждения в 1874 году [Козмин, 1912; Львов, 1895]. Своё влияние на жизнь в Пазрецком погосте оказывала близость к норвежской границе. Пазрецкой школе отводилась особая «политическая» роль в обучении саамов русскому языку и приобщении их к православной вере. Высказывалась точка зрения, согласно которой, «без школы лопари, окружённые финляндцами, шведами и норвежцами, не выдержали бы натиска этих народностей и подпали бы под их влияние» [АЕВ. 1903. № 13. С. 448].

Учитывая важность миссионерской работы в приграничном с Норвегией погосте, финансовые расходы по содержанию Пазрецкой школы взял на себя Святейший Синод и попечители, в числе которых были обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и бывший русский консул в Финмарке Д.Н. Островский. Таких школ, финансируемых за счёт благотворителей, в составе первого Кольского благочиния было немного. Дополнительные средства выделялись Печенгской школе от Трифоно-Печенгского монастыря, а также Ловозерской церковно-приходской школе, существовавшей благодаря помощи Архангельского Комитета Православного миссионерского общества [НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 18. Л. 4].

Саамы Пазрецкого погоста охотно отдавали детей учиться, так как учащиеся могли принимать активное участие в жизни прихода. Родители учеников при открытии школы просили законоучителя в первую очередь научить детей петь молитвы в церкви [АЕВ. 1903. № 13. С. 449]. В дело просвещения вовлекалось и взрослое население, участвовавшее в «церковных собеседованиях», организуемых при школе.

Понимание важности роли церкви в развитии русской культуры среди коренного населения приграничных территорий предопределило необходимость ведения активной просветительской работы на саамском языке. Влияние приграничного фактора на развитие начального образования на Европейском Севере прослежено в работах О.П. Илюхи на материалах Олонецкой губернии [Илюха, 2009]. В своём исследовании, рассуждая о влиянии «финского фактора» на создание первых букврей для карелов, она затрагивает деятельность Переводческой комиссии при Православном миссионерском обществе, куда входил и К.П. Щеколдин. В 1894 году, в рамках работы этой комиссии, была опубликована первая книга на саамском языке – «Евангелие от Матфея», а затем в следующем, 1895 году, издана «Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии». Обе книги, кроме ре-

шения непосредственно образовательно-просветительских задач, призваны были противостоять влиянию лютеранства, проникавшего на Кольский Север из Норвегии [Илюха, Шикалов, 2012, 43]. Книги, составленные К.П. Щеколдиным, активно использовались во всех церковно-приходских школах, расположенных в саамских погостах.

Следующей школой, открытой в саамском погосте, стала школа в Нотозеро. Обучение саамских детей в Нотозерском приходе было начато ещё в 1860-е годы священником Георгием Терентиевым, позже назначенным благочинным, который организовал занятия с несколькими учениками при Нотозерской церкви [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 3. Л. 72]. Толчком к этому послужило распоряжение архангельского губернатора князя Н.А. Качалова, однако данное начинание в те годы не получило развития в других приходах. С переводом в 1871 году Георгия Терентиева на службу в Кольский приход обучение было прекращено. Официальное открытие Нотозерской церковно-приходской школы состоялось в январе 1889 года по инициативе Кольского училищного отделения и «благодаря настояниям чиновника по крестьянским делам» [АЕВ. 1905 № 20. С. 777]. Открытие школы в Нотозерском приходе сопровождалось нежеланием коренного населения отдавать детей в школу из-за страха «солдатчины». Как сообщалось в Архангельских епархиальных новостях, лопари не отдавали своих детей учиться, т.к. были твёрдо уверены, что детей, поучившихся в школе, скорее заберут в солдаты, чем не учившихся [АЕВ. 1905. № 20. С. 777].

В советской историографии Нотозерская школа представлена как яркий пример применения «насильственных мер» и «попыток духовенства завербовать детей местного населения» [Базанов, Казанский, 1939, 35]. Между тем, согласно архивным документам Кольского училищного отделения, в школе в первые годы с момента учреждения училось достаточное количество детей (от 15 до 20 человек), а школа помещалась в собственном доме, который отапливался и освещался за счёт средств местных жителей. В 1899 году церковно-приходская школа в Нотозерском погосте была закрыта «за неимением средств на содержание», но в 1902 г. открылась снова как школа грамоты. Сохранение учебных классов в небольших приходах путём их трансформации в школы грамоты было распространённым явлением. Однако в случае со школами в саамских приходах уездный училищный комитет ходатайствовал о том, чтобы оставить за этими школами отдельных учителей с сохранением жалования, так как организация обучения членами причта из-за больших расстояний между погостом и ближайшим храмом не всегда возможна [ГАМО Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7. Л. 65]. В 1908 году Нотозерская школа была переведена в Кильдинский погост. Затем в Нотозере было открыто первое министерское училище для детей коренного населения [Козмин, 1912, 12].

В январе 1890 года была открыта школа в Сонгельском погосте, располагавшемся ближе к границе с Финляндией и отстоящем от Нотозерского на расстояние 65 вёрст. Причём, уже при открытии школы, под которую была выделена саамская тупа, был составлен приговор крестьян о согласии на постройку школьного дома [АЕВ. 1905. № 21. С. 838]. Также в 1892 году в Кольское училищное отделение было направлено письмо крестьян Сонгельского погоста, в котором они свидетельствовали, что учитель Сонгельской школы Михаил Георгиевич Терентиев «живя в нашем месте, вёл себя благонравно, обучение детей производит по нашему понятию успешно и в духе православной веры. И на будущее время желаем его иметь учителем, в чём по неграмотности прилагаем свои клейма» [ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4. Л. 17]. По инициативе саамов Сонгельского погоста в 1895 году было решено сделать пристройку к зданию школы в виде часовни. На содержание Сонгельской школы от сельского общества в 1895/6 гг. поступило 85 рублей и 65 рублей на постройку церкви-школы [НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 138 об.]. В 1897 году в церковно-приходской школе в Сонгельском погосте был устроен алтарь для церкви, а 8 февраля 1901 года она была освящена во имя Преподобного Трифона Печенгского [Зайцев, 2018, 161]. По свидетельству наблюдателя церковно-приходских школ Н. Козмина, взрослое население Сонгельского погоста в будние дни постоянно посещало утренние молитвы в церкви-школе [Козмин, 1912, 13]. В подтверждение успехов миссионерской деятельности этой саамской школы в публикациях «Архангельских

епархиальных ведомостей» уже в начале XX века приводилось свидетельство учителя Сонгельской школы о том, что он слышит от родителей признание удовлетворения, что дети поют и читают в церкви [АЕВ. 1905. № 21. С. 838]. Кроме того, указывалось и на практическую пользу обучения, которая заключалась в том, что учащиеся могли во время длительных кочевий крестить младенцев и читать в семейном кругу православную литературу для тех, кто не владел грамотой.

В 1889 году церковно-приходская школа была открыта в Кильдинском погосте. Но в 1892 году в Кольское училищное отделение был отправлен рапорт Кольско-Лопарского старшины о том, что сельское общество кильдинских крестьян из-за больших расходов просило закрыть школу, а детей отправить на обучение в Кольское приходское училище [ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4. Л. 52]. После выяснения всех обстоятельств в Архангельский епархиальный совет от благочинного были направлены документы, в которых объяснялись причины закрытия школы. В них указывалось на то, что школа в Кильдинском погосте была открыта чиновником по крестьянским делам Макшеевым «по принуждению», а училищный дом выстроен только потому, что лопари не хотели своим отказом оскорбить начальство. Далее указывалось, что кильдинчане исправно вносили плату на содержание школы в размере 15 рублей, пока были довольны учителем, проживавшим с ними в погосте. Назначение законоучителем священника Иоанна Зуева, который служил в соборе в г. Кола и вынужден был часто отлучаться по служебным обязанностям, вызвало «глухой ропот на слабое учение, а потом и сходку» [Казакова, 2019, 111]. Архивные данные свидетельствуют о том, что Кильдинская школа работала со значительными перерывами. В 1901 году школа была вновь открыта как школа грамоты «в видах просветительских и культурных». Ключевым аргументом для епархии был довод благочинного первого округа Александровского уезда² о том, что «дети научены молитвам и грамоте, научиться русскому языку, что может вести к обрусению и осёдлости». Также немаловажным фактором было свидетельство чиновника по крестьянским делам о том, что крестьяне не жалеют средств на содержание школы [ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 234. Л. 4-6].

Таким образом, на примере «открытых по принуждению» церковно-приходских школ в саамских погостах видно, что планомерная работа школы была возможна только при условии готовности коренного населения финансово её поддерживать. Если в отчёте по Кольскому уезду за 1890/1 год говорилось о том, что местное население не выказывает особенного сочувствия к школам, во избежание расходов по их содержанию [НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об.], то уже в следующем году фиксировалось, что в погостах Нотозерском, Сонгельском, Кильдинском и Пазрецьком «довольно сочувственно относятся к школам, что видно из того, что они построили школьные дома, ремонтируют их и ассигнуют на отопление, освещение и канцелярские материалы» [ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4. Л. 43].

В Ловозерской миссионерской школе, открытой в ноябре 1893 г.³, состав учеников был смешанным (русские, коми-зыряне, саамы, ненцы). Несмотря на то, что большинство населения Ловозерского прихода составляли саамы, среди учеников самой многочисленной группой были дети коми-ижемцев. Например, в 1902 году их было 19 человек из 21 обучающегося. Статистические данные свидетельствуют о том, что такая тенденция, при которой большинство учащихся были коми, сохранялась вплоть до 1917 года [ГАМО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 2]. В школьных отчётах противопоставлялась состоятельность коми-ижемцев, «дающая возможность не ограничивать себя ни в чем и баловать детей» и необходимость участия «лопских» детей в пастьбе оленей вместе с взрослым населением [ГАМО. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 82, 107]. Увеличение числа учащихся из всех этнических групп населения Ловозера в первой четверти XX века обусловило необходимость открытия здесь в 1912 году ещё одной школы, попечителем которой выступил зажиточный коми-ижемец Поликарп Иванович Рочев. Коми-ижемцы, переселившиеся на Кольский полуостров, имели совершенно отличный от саамов уклад хозяйствования, рассчитанный в первую очередь на ведение торговых отношений, поэтому получение детьми начального образования осознавалась ими как насущная необходимость. Это подтверждают и финансовые отчёты. Средства на содержание школы на 1916 год поступали из

следующих источников: от Миссионерского комитета – 50 рублей, от приходского попечительства – 50 рублей, из других местных поступлений – 22 рубля 60 копеек [ГАМО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 2. Л. 32]. Таким образом, денежные взносы местного населения превышали поступающие из Архангельска.

Приобщение детей к православной культуре было определяющим фактором заинтересованности в развитии начального образования в Ловозерском приходе. Согласно данным училищного отделения, школа пользовалась поддержкой местного населения, так как большинство учеников читали книги, знали все первоначальные молитвы и при богослужениях пели «довольно порядочно» [ГАМО. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 122]. Книгами из школьной библиотеки, среди которых наиболее популярными были жития святых и исторические сочинения, пользовались и дети, и взрослые [ГАМО. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2. Л. 81]. Кроме того, при школе проводились религиозно-нравственные чтения, хотя и без определённой программы.

В этнографических сочинениях конца XIX – начале XX вв. неоднократно высказывалась мысль о том, что коренное население северо-западных арктических территорий, к которым относился Кольский полуостров, готово развивать и поддерживать систему начального образования Русской православной церкви. Многие авторы, доказывая необходимость подъёма «дела просвещения» среди коренного населения Кольского Севера, писали о «желании лопарей учиться» [Казакова, 2018]. Как показывает статистика, количество учащихся в школе варьировалось в зависимости от числа жителей погоста и желания родителей обучать детей.

Таблица 1. О школах церковно-приходских, грамотности и других в ведомстве по Кольскому уезду Архангельской епархии за 1891 год [НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.]

Школа	Количество душ в приходе	Число детей школьного возраста		Посещающих школу	
		мальчиков	девочек	мальчиков	девочек
Кильдинская	180	14	10	10	4
Пазрецкая	162	15	11	6	5
Нотозерская	189	21	14	14	3
Сонгельская	164	18	10	11	7
Ловозерская	125	нет сведений		7	5
Печенгская	нет школы				

На основании статистических данных за 1891 год можно сделать вывод, что уже в первые годы деятельности школ в саамских погостах их посещало около половины детей школьного возраста, большинство из которых были мальчиками.

Миссионерская деятельность Трифоно-Печенгского монастыря

На Мурманском берегу активную миссионерскую деятельность, в том числе среди коренного населения, вёл возрождённый в 1886 году Трифоно-Печенгский монастырь. Возобновление обители было связано как с решением внешнеполитических, экономических, так и социальных, культурных задач на северных окраинных территориях [Бардилова, 2015, 47]. Увеличение числа колонистов-лютеран (норвежцев, финнов и фильманов (саамов-лютеран) на Западном Мурмане, а позже и появление Лютеранского прихода обусловили создание новых православных приходов в колониях, так как «значительное преобладание числа лютеран над православными на Западном Мурмане не могло не беспокоить русские власти» [Орехова, 2007, 45].

На средства Трифоно-Печенгского монастыря на Мурманском берегу содержалось несколько школ. 30 ноября 1893 г. в колонии Баркино была открыта церковно-приходская школа, где, согласно статистическим сведениям, обучалось около 20 мальчиков⁴, двое из которых – лютеране [НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 7. Л. 17]. Тринадцать учеников были «кареляки, говорящие на русском наречии» и семь мальчиков – из русских поморов [ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 9. Л. 39об., 63 об.]. Все они проживали

в небольших колониях, расположенных рядом с монастырём: Печенгско-Монастырской, Баркино, Княжухе, Оленьей Горы, Трифонова Ручья. Настоятелю Печенгской обители о. Ионафану не раз приходилось убеждать колонистов в необходимости обучения детей. Например, после молебна, отслуженного в честь завершения учебного 1895 года, им была сказана проповедь родителям учеников, которые не хотели отдавать своих сыновей учиться на будущий год, и он «своим пастырским словом заставил [родителей – К.К.] эту думу отбросить» [ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 9. Л. 40 об.]. Неоднократно в отчётах высказывалась мысль о том, что «благоустроенная школа постепенно развеет недоверие к ней колонистов, победит их предубеждение и смягчит их грубость и невежество через грамотность и воспитание детей» [ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 9. Л. 66 об.].

По инициативе архимандрита Ионафана в январе 1903 г. при монастыре была открыта Печенгская церковно-приходская школа. В этнографических сочинениях она представлена образцом современного для своего времени материального оснащения: большим помещением с электрическим освещением, огромной библиотекой, использованием технических средств демонстрации [Блинов, 1918, 18]. Это была «вневедомственная» школа, которая не относилась к школам Министерства народного просвещения и не состояла в ведении Училищного отделения Архангельской епархии. В школе обучались все желающие, среди которых были как саамы Печенгского погоста³, так и лютеране из близлежащих колоний Мурманского берега [ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 26. Л. 54]. При школе было организовано общежитие на 13 человек. Помимо обучения детей из Печенгского погоста школа выполняла миссионерскую функцию. Для взрослых при школе были организованы народные чтения и беседы. По предложению учителя школы Д.А. Проташинского, дворянина, получившего университетское образование, монастырь приобрел граммофон, чтобы на чтениях звучала духовная и классическая музыка и «волшебный фонарь» для демонстрации сюжетов на религиозно-нравственные темы [Федоров, 1996, 50]. В 1911 году частная монастырская школа была передана в ведение Кемско-Александровскому отделению Архангельского епархиального Училищного Совета, а в 1913 г. закрылась [Бардилова, 2015, 48]. Официальной причиной стало отсутствие после смерти Д.А. Проташинского «учителя с дипломом», однако можно согласиться с исследователями, что настоящей причиной могло быть нежелание печенгского настоятеля быть подотчётным училищному отделению [Федоров, 1996, 49].

Выводы

Миссионерская деятельность Русской православной церкви на северо-западных арктических территориях определялась необходимостью защиты государственных интересов через влияние на этнокультурные процессы в среде коренного населения Кольского Севера. В начале XX века на Кольском действовало 6 церковно-приходских школ для детей коренного населения: в Пазрецком, Нотозерском, Ловозерском, Печенгском, Кильдинском и Сонгельском погостах. Главная задача миссионерской деятельности заключалась в приобщении саамов к приходской жизни через обучение основам православной веры. «Главным образом церковные школы влияли на посещающих их детей, воспитании их в послушании Церкви православной, что и составляет величайшую миссию церковных школ, находящихся в приходах с раскольническим и инородческим населением», – говорилось в отчёте Кемско-Кольского училищного отделения за 1898 год [НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 18. Л. 5 об. Л. 6]. Деятельность церковно-приходских школ оказывала определённое влияние на трансформацию традиционного образа жизни саамов. Исследователь быта и обычаев коренного населения Кольского Севера В. Чарнолуцкий писал о влиянии на коренное население предреволюционного времени «саамов, ходивших на Русь», которые обладали знанием современной жизни не только своей, но и русской, финской и норвежской. «Бывалые саамы», как называет их этнограф, являлись сторонниками школ, под их влиянием саамы охотно отдавали детей на обучение [МА ЦГП КНЦ РАН. НВФ. 1110а. С. 313–314]. Открытие церковно-приходских школ и просветительская деятельность Русской православной церкви высоко оценивалась и в этнографических сочинениях начала XX века. Важно отметить, что миссионерская деятельность, осуществляемая через церковно-приходские школы, распростра-

нялась не только на детское, но и на взрослое население прихода и способствовала активизации приходской жизни. Исследователи церковной истории Кольского Севера пишут о том, что строительство храмов в XIX – начале XX вв. осуществлялось не по указке «сверху», а по инициативе местных жителей и частных лиц, что является одним из свидетельств стабильной религиозной обстановки в Александровском уезде к 1917 г. [Бардилова, 2015, 32]. Анализ архивных данных о состоянии школ в саамских погостах показывает, что просветительская деятельность Русской православной церкви, осуществляемая через систему церковно-приходских школ, пользовалась поддержкой коренных жителей, которые отдавали детей учиться, однако необходимость финансовых вложений препятствовала планомерному развитию дела народного просвещения на северных арктических территориях. В случае финансовых затруднений и незначительного числа учащихся в отдалённых приходах епархия стремилась сохранить церковно-приходскую школу путём трансформации её в школу грамоты. Церковно-приходские школы на северо-западных арктических территориях являлись теми просветительскими центрами, которые способствовали более активному участию населения в жизни северных православных приходов.

Благодарности

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания ФИЦ КНЦ РАН по теме НИР № FMEZ-2022-0028.

Acknowledgment

The financial support of the study was provided from the federal budget within the state task of the KSC RAS on research topic No. FMEZ-2022-0028.

Список сокращений

АЕВ – Архангельские епархиальные ведомости
ГАМО – Государственный архив Мурманской области
НА РК – Национальный архив Республики Карелия
МА ЦГП КНЦ РАН – Музей-Архив Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН
НВФ – Научно-вспомогательный фонд

Библиографический список

1. Архангельские епархиальные ведомости. – 1903. – № 13. – С. 444–451; 1905. – № 20. – С. 774–784; 1905. – № 21. – С. 838–845.
2. Базанов, Л.Г. Школа на Крайнем севере / Л.Г. Базанов, Н.Г. Казанский. – Л., 1939. – 208 с.
3. Бардилова, Ю.П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века / Ю.П. Бардилова. – Мурманск, 2015. – 253 с.
4. Блинов, В.П. На Мурмане: (из личных воспоминаний автора, дополненных новейшими данными) / В.П. Блинов. – Петроград, 1918. – 56 с.
5. Государственный архив Мурманской области. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111, 234; Ф. И-52. Оп. 1. Д. 3; И-87. Оп. 1. Д. 9, 26; Ф. 121. Оп. 1. Д. 2; И-133. Оп.1. Д. 4, 7.
6. Зайцев, О.А. «Лопарские приходы» в церковно-приходской системе Кольского Севера в XIX – начале XX веков / О.А. Зайцев // Труды Кольского научного центра РАН. – 2018. – Т. 9. – № 11–15. – С. 154–166.
7. Илюха, О.П. Финский фактор в развитии школьного дела в Российской Карелии в начале XX века / О.П. Илюха // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. – Петрозаводск, 2009. – С. 73–87.
8. Илюха, О.П. «Финский след» в букваристике Карелии / О.П. Илюха, Ю. Шикалов // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2012. – № 4. – С. 40–66.
9. Казакова, К.С. Полярная «Одиссея» инспектора училищ Николая Козмина в 1911 году / К.С. Казакова // Парадигма: философско-культурологический альманах. – 2018. – № 28 (28). – С. 140–147.
10. Казакова, К.С. Переписка Кольского уездного училищного отделения по организации работы Кильдинской церковно-приходской школы (1892–1902) / К.С. Казакова // Труды Кольского научного центра РАН. – 2019. – Т. 10. – № 7 (17). – С. 103–113.

11. Кашаева, М.В. Состояние церковно-приходской школы Алтайской духовной миссии в конце XIX – начале XX вв. и её вклад в развитие образования на Алтае / М.В. Кашаева // Религиоведение. – 2015. – № 3. – С. 10–14.
12. Козмин, Н. По школам Лапландии (Дневник наблюдателя) / Н. Козмин. – СПб., 1912. – 31 с.
13. Львов, Е.Л. По студеному морю: поездка на Север / Е.Л. Львов. – Москва. 1895. – 251 с.
14. Музей-Архив Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН. Научно-вспомогательный фонд. 1110а Чарнолуский В.В. «Очерки к истории саами (лопарей) Кольского полуострова, Обонежья, Приладожья». Рукопись.
15. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1, 7, 18, 138
16. Орехова, Е.А. К вопросу о колонизации Мурманского берега во второй половине XIX – нач. XX вв. Обзор религиозной ситуации в колониях Мурманского берега / Е.А. Орехова // IV Ушаковские чтения. – Мурманск, 2007. – С. 41–48.
17. Пулькин, М. Начальное образование для «кинородцев» на Европейском Севере России (конец XIX-начало XX в.) / М. Пулькин // Антропологический форум. – 2006. – № 4. – С. 163–176.
18. Софронов, В.Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX веков: дисс. ... докт. ист. наук / В.Ю. Софронов. – Барнаул, 2007. – 450 с.
19. Федоров, П.В. Православный словарь Кольского Севера. 2-е изд., испр. и доп. / П.В. Федоров. – СПб., 2017. – 232 с.
20. Федоров, П.В. История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.) / П.В. Федоров. – Мурманск, 1996. – 70 с.
21. Ушаков, И.Ф. Ловозеро: [село Ловозерского района] / И.Ф. Ушаков, С.Н. Дашинский. – Мурманск, 1988. – 191 с.

Текст поступил в редакцию 07.10.2022.

Принят к печати 12.12.2022.

Опубликован 30.03.2023.

¹ Коренные жители Кольского полуострова – саамы. В XIX веке в русскоязычных делопроизводственных документах их называли лопарями.

² В 1899 году Кольский уезд был переименован в Александровский, в связи с перенесением административного центра из г. Колы в г. Александровск, построенный на берегу Кольского залива Баренцева моря (в настоящем – г. Полярный Мурманской области).

³ Первая школа в Ловозеро открылась в октябре 1890 года по инициативе приходского священника Михаила Почезерского, однако в 1892 году из-за отсутствия финансовых средств закрылась. В 1893 году Ловозерская школа открылась при поддержке Архангельского миссионерского комитета [Ушаков, 1988, 73].

⁴ Баркинская школа была смешанная, однако в первые годы родители отдавали на обучение только мальчиков.

⁵ Печенгский погост находился примерно в 5 километрах от Трифоно-Печенгского монастыря.

References

1. *Arkhangel'skiye yeparkhial'nyye vedomosti* [Arkhangelsk Diocesan Gazette] 1903, no. 13, pp. 444–451; 1905, no. 20, pp. 774–784; 1905, no. 21, pp. 838–845 (in Russian).
2. Bazanov L.G. *Shkola na Kraynem severe* [School in the Far North]. Leningrad: Uch. ped. Izd-vo., 1939, 208 p. (In Russian).
3. Bardileva Yu.P. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na Kol'skom Severe v pervoy polovine XX veka* [Russian Orthodox Church in the Kola North in the first half of the XX century]. Murmansk: Murmansk University Publ., 2015, 253 p. (In Russian).
4. Blinov V.P. *Na Murmane (iz lichnykh vospominaniy avtora, dopolnennykh noveyshimi dannymi)* [On Murman (from the personal memoirs of the author, supplemented by the latest data)]. Petrograd: 10-ya gos.tip., 1918, 56 p. (In Russian).
5. Fedorov P.V. *Pravoslavnyy slovar' Kol'skogo Severa* [Orthodox Dictionary of the Kola North]. St. Petersburg: International Banking Institute Publ., 2017, 232 p. (In Russian).
6. Fedorov P.V. *Istoriya Trifono-Pechengskogo monastyrya (1886-1917 gg.)* [History of the Trifon-Pechenga Monastery (1886–1917)]. Murmansk: MGPI, 1996, 70 p. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Murmanskoj oblasti* [State Archive of the Murmansk Region]. Fund 17. Inventory 1. Files 111, 234; Fund 52. Inventory 1. File 3; Fond 87. Inventory 1. File 26; Fund 121. Inventory 1. File 2; Fund 133. Inventory 1. Files 4, 7 (in Russian).
8. Пюкха О.П. *Finskiy faktor v istorii i kul'ture Karelii XX veka* [The Finnish factor in the history and culture of Karelia in the 20th century]. Petrozavodsk: KAR SC RAS, 2009, pp. 73–87 (in Russian).

9. Ilyukha O.P. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy]. Moscow: Institute for Education Development Strategy of the RAS, 2012. no. 4, pp. 40-66 (In Russian).
10. Kazakova K.S. *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskiy al'manakh* [Paradigm: philosophical and cultural almanac]. Saint-Peterburg: Sborka, 2018. no. 28 (28), pp. 140-147 (In Russian).
11. Kazakova K.S. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Apatity: Isd-vo KSC RAS, 2019, vol. 10, no. 7 (17), pp. 103–113. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.103-113 (in Russian).
12. Kaschaeva M.V. *Religiovedeniye* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2015, no. 3, pp. 10–14 (in Russian).
13. Kozmin N. *Po shkolam Laplandii (Dnevnik nablyudatelya)* [In the schools of Lapland (Diary of an observer)]. St. Petersburg, 1912, 31 p. (In Russian).
14. L'vov Ye.L. *Po studenomu moryu: poyezdka na Sever* [On the icy sea: A trip to the North]. Moscow: Publ. by A.I.Mamontov, 1895, 251 p. (In Russian).
15. *Muzey-Arkhiv Tsentra gumanitarnykh problem Barents regiona Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Museum-Archive of the Barents Center of Humanities, Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”]. Supplementary Scientific Collection. File 1110a (in Russian).
16. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kareliya* [National Archives of the Republic of Karelia] Fund 419. Inventory 1. Files 1, 7, 18, 138 (in Russian).
17. Orekhova Ye. A. *Chetvertyye Ushakovskiy chteniya* [Fourth Ushakov Readings]. Murmansk: Murmansk University Publ., 2007, pp. 41–48 (in Russian).
18. Pul'kin M. *Antropologicheskiy forum* [Forum for anthropology and culture]. St. Petersburg: European University at Saint-Petersburg, 2006, no. 4, pp. 163–176 (in Russian).
19. Sofronov V.Yu. *Missionerskaya deyatelnost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Zapadnoy Sibiri v kontse XVII – nachale XX vekov: diss... doct. ist. nauk* [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the late 17th – early 20th centuries. D.Sc. Thesis in History]. Barnaul: Altai State University, 2007, 450 p. (In Russian).
20. Ushakov I.F. *Lovozero* [Lovozero]. Murmansk: Murmanskoe knizhnoye izd-vo, 1988, 191 p. (In Russian).
21. Zaytsev O.A. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Apatity: Isd-vo KSC RAS, 2018, vol. 9, no. 11–15, pp. 154–166 (in Russian).

Submitted for publication: October 07, 2022.
Accepted for publication: December 12, 2022.
Published: March 30, 2023.